

Часть первая

6.11 Случайная вакансия считается открытой:

- (а) если член местного совета не заявляет о принятии своих полномочий в течение установленного срока, или
- (б) если от него поступает уведомление о сложении своих полномочий, или
- (в) по факту его смерти...

Чарльз Арнольд-Бейкер
Организация работы местного совета
7-е изд.

Воскресенье

Барри Фейрбразер не хотел ехать в ресторан. С вечера пятницы его мучила головная боль; он даже не был уверен, что сумеет в срок завершить статью для местной газеты.

Однако за обедом жена держалась слегка натянуто и отчужденно, из чего Барри сделал вывод, что поздравительной открытки к их годовщине свадьбы не хватило, чтобы загладить его преступное уединение в кабинете. Вину его усугубляло то, что писал он о Кристал, которую Мэри терпеть не могла, хотя изображала обратное.

— Мэри, хочу пригласить тебя на ужин, — солгал он, чтобы растопить лед. — Девятнадцать лет, дети мои! Девятнадцать лет, а ваша мама только хорошеет.

Смягчившись, Мэри заулыбалась, и Барри, чтобы не ехать слишком далеко, позвонил в ресторан гольф-клуба, где всегда были свободные столики. В малом он старался потакать жене, потому как понял, прожив с нею без малого два десятка лет, что в главном часто ее огорчает. Разумеется, без злого умысла. Просто у них были совершенно разные представления о жизненных приоритетах.

Все четверо детей Барри и Мэри уже вышли из того возраста, когда им требовалась няня. Он несколько раз сказал «до свидания», но они не отрывались от телевизора, и только самый младший, Деклан, обернулся и помахал.

Головная боль все так же стучала за ухом, когда Барри задним ходом вывел машину на проезжую часть и взял курс через живописный городок Пэгфорд, где они поселились сразу после свадьбы. Миновав идущую под откос улицу Черчроу, на которой стояли викторианские особняки во всей своей красе и солидности, он свернул за угол возле псевдоготической церкви, где его дочери-близняшки когда-то выступали в спектакле «Иосиф и его удивительный разноцветный плащ снов»¹, а дальше — через Центральную площадь, откуда открывался вид на темный скелет главной достопримечательности — стоящего на высоком холме разрушенного аббатства, устремленного к лиловому небу.

Пока Барри крутил руль, вписываясь в знакомые повороты, все его мысли были о тех недочетах, без которых, конечно же, не обошлась законченная второпях статья, только что отправленная по электронной почте в газету «Ярвил энд дистрикт». Общительный и жизнерадостный, он с трудом выржал свою личность на письме.

От Центральной площади оставалось каких-то четыре минуты езды до гольф-клуба, а дальше городок шел на убыль, заканчиваясь россыпью обветшалых построек. Барри припарковал свой минивэн у клубного ресторана «Берди»², а потом немного постоял рядом, пока Мэри подкрашивала губы. Лицо приятно холодило вечерний воздух. Обводя глазами поле для гольфа, уходящее в сумерки, Барри спросил себя, стоило ли годами платить членские взносы. Гольфист из него был никудышный: замах орлиный — удар ослиный. А времени так или иначе ни на что не хватало. Между тем голова просто раскалывалась.

¹ Второй мюзикл Эндрю Ллойда Уэббера и Тима Райса (1968) рассказывает библейскую историю Иосифа Прекрасного. (*Здесь и дальше — прим. перев.*)

² *Берди* — термин из игры в гольф: число ударов на один меньше, чем пар.

Выключив подсветку зеркала, Мэри захлопнула дверцу со стороны пассажирского сиденья. Барри, державший наготове брелок, нажал на кнопку автозамка. Жена зацокала шпильками по асфальту, центральный замок пискнул, и Барри понадеялся, что от еды у него пройдет тошнота.

Боль пушечным ядром взорвала мозг. Колени ударились о холодный асфальт, но Барри этого не почувствовал; череп захлестнуло волной огня и крови; агония была столь мучительной, что терпеть ее не было сил, но он терпел, потому что от вечности его отделяла ровно минута.

Мэри вскрикнула — и уже не умолкала. Из бара выскочили какие-то люди. Один тут же ринулся назад, вспомнив, что среди членов клуба есть двое врачей на пенсии. Знакомая супружеская пара, услышав из ресторана крики, даже не прикоснулась к еде и побежала на стоянку, чтобы оказать посильную помощь. Муж набрал по мобильному 999.

«Скорая» двадцать пять минут ехала из Ярвила — это был ближайший крупный город. Когда мигалка осветила пульсирующей синевой место действия, Барри лежал в луже рвоты, без движения и без признаков жизни; Мэри в разорванных колготках стояла рядом на коленях и сжимала его руку, сотрясаясь от рыданий и повторяя его имя.

Понедельник

I

— Соберись с духом, — сказал Майлз Моллисон, стоя в кухне большого особняка на Черч-роу.

Чтобы сделать этот звонок, он выждал до половины седьмого. Ночь прошла беспокойно, он подолгу не смыкал глаз и лишь урывками проваливался в тревожный сон. В четыре часа утра он понял, что жена тоже не спит, и они негромко поговорили в темноте.

Обсуждая то, что произошло у них на глазах, оба пытались отойти от потрясения и безотчетного ужаса, но при этом Майлз за щеколтало легкое пульсирующее возбуждение от мысли о том, как он сообщит эту весть своему отцу. Майлз намеревался дождаться семи часов, но опасение потерять пальму первенства погнало его к телефону еще раньше.

— Что стряслось? — загрохотал Говард с легким жестяным призвуком: это Майлз включил для Саманты громкую связь.

Бледно-розовый халат еще больше подчеркивал коричнево-махогоновый оттенок ее кожи: воспользовавшись ранним подъемом, она освежила свой тускнеющий загар средством из тюбика. В кухне смешались запахи растворимого кофе и синтетического кокоса.

— Фейрбразер умер. Вчера вечером рухнул как подкошенный в гольф-клубе. Мы с Сэм как раз ужинали у «Берди».

— Фейрбразер *умер*? — проревел Говард.

Его интонация предполагала, что Говард не удивился бы какому-нибудь драматическому развитию событий, связанных с Барри Фейрбразером, но такой новости даже он никак не мог ожидать.

— Рухнул как подкошенный прямо на стоянке, — повторил Майлз.

— Бог ты мой, — ахнул Говард. — Сколько ж ему было — всего-то сорок с небольшим? Бог ты мой.

Майлз и Саманта слушали, как Говард пыхтит, словно загнанный конь. По утрам его вечно мучила одышка.

— И что это было? Сердце?

— Говорят, что-то в мозгу. Мы поехали вместе с Мэри в больницу, и там...

Но Говард пропустил ответ мимо ушей. Майлз и Саманта слушали, как он говорит в сторону:

— Барри Фейрбразер! Умер! Майлз на связи!

Прихлебывая кофе, Майлз с Самантой ожидали, пока Говард не вернется к разговору. Когда Саманта присела за кухонный стол, полы халата слегка разошлись, обнажив богатство пышного бюста, который сейчас покоился на ее сложенных руках. Подпираемые снизу, груди выглядели более упругими и гладкими, нежели в привычном висячем состоянии. Кленчатая кожа между ними подернулась мелкими трещинками, которые уже не исчезали, когда Саманта распрямлялась. По молодости она злоупотребляла посещением солярия.

— Что ты начал говорить? — Говард вернулся на линию. — Что-то про больницу.

— Мы с Сэм поехали на «скорой», — четко артикулировал Майлз. — Чтобы сопроводить Мэри и тело.

Саманта отметила, что Майлз со второго захода усилил, так сказать, рекламный аспект своего рассказа. Она не осуждала. Если уж им выпало пережить этот кошмар, должна же быть какая-то компенсация — хоть людям рассказать как и что. Ей казалось, она никогда в жизни этого не забудет: как

в голос рыдала Мэри; как Барри лежал в кислородной маске, словно в наморднике, и глаза у него все время были полуоткрыты; как они с Майлзом пытались угадать, что скрывается за непроницаемостью медиков; и спазматические толчки, и темные окна, и весь этот ужас.

— Бог ты мой, — в третий раз протянул Говард, не отвечая на приглушенные расспросы Ширли: его вниманием полностью завладел Майлз. — Рухнул замертво прямо на стоянке?

— Да-да, — подтвердил Майлз. — Я как увидел, сразу понял: ему конец.

Это была его первая ложь, и он отвел взгляд от жены. Она прекрасно помнила, как он своей ручищей покровительственно обхватил вздрагивающие плечи Мэри: «Его поставят на ноги... поставят на ноги...»

«Но в конце-то концов, — думала Саманта, оправдывая мужа, — кто мог знать, как оно обернется, если медики тут же нацепили маски и забегали со шприцами?» Похоже, они надеялись его спасти — не понимали, что это без толку, пока в больнице к Мэри не подошла молоденькая докторша. У Саманты перед глазами до сих пор с ужасающей четкостью стояла эта картина: и незащитное, застывшее лицо Мэри, и вид этой гладко причесанной, очкастенькой девушки в белом халате, собранной и немного настороженной... В сериалах такое показывают что ни день, но когда взаправду...

— Ровным счетом ничего, — продолжал Майлз. — Гэвин еще в четверг играл с ним в сквош.

— И ничто не предвещало?

— Абсолютно. Он Гэвина разгромил.

— Бог ты мой. Значит, судьба такая, верно? Значит, судьба такая. Погоди, тут мама что-то сказать хочет.

В динамиках стукнуло и звякнуло, а затем послышался вкрадчивый голос Ширли.

— Какое ужасное потрясение, Майлз, — сказала она. — Как вы это выдержали?

Саманта неловко глотнула кофе; темные струйки потекли от уголков рта к подбородку, и она утерла лицо и грудь рукавом. Майлз всегда разговаривал с матерью по-особому: глубоким и властным голосом, непреклонно, напористо и деловито. Иногда, особенно в подпитии, Саманта передразнивала беседы Майлза и Ширли. «Ни о чем не тревожься, мамочка. У тебя есть Майлз. Твой стойкий оловянный солдатик». — «Солнышко, ты у меня просто чудо: большой, храбрый, умный». Бывало, Саманта разыгрывала эту сценку в гостях; Майлз злился и ощетикивался, но для виду похохатывал. А в прошлый раз у них на обратном пути прямо в машине вышел скандал.

— Неужели вы ехали с ней до самой больницы? — спрашивала Ширли на всю кухню.

Нет, мысленно отбрила Саманта, на полпути заскучили и вылезли.

— Это самое малое, что мы могли сделать. К сожалению, остальное было не в нашей власти.

Тут Саманта не выдержала и пошла к тостеру.

— Не сомневаюсь, что Мэри вам очень благодарна, — сказала Ширли.

Громяхнув крышкой хлебницы, Саманта сунула четыре белых ломтика в решетчатые щели тостера. Голос Майлза сделался более естественным.

— В общем, когда врачи сказали... констатировали смерть, Мэри попросила вызвать Колина и Тессу Уолл. Сэм тут же им позвонила, мы дождались их приезда и только тогда вернулись домой.

— Ей очень повезло, что вы оказались рядом, — заключила Ширли. — Сейчас еще папа хочет что-то сказать, Майлз, передаю трубочку. Мы с тобой позже поболтаем.

— Мы с тобой позже поболтаем, — одними губами проговорила Саманта, обращаясь к чайнику.

В нем отражалось ее лицо, опухшее после бессонной ночи. Карие глаза воспалились: чтобы ничего не упустить из

рассказа мужа, она слишком поспешно и неосторожно нанесла на веки лосьон для искусственного загара.

— Может, заглянете к нам вечером? — загрохотал Говард. — Нет, погоди... мама напомнила, что мы сегодня играем в бридж с Балдженсами. Приезжайте завтра. На ужин. Часам к семи.

— Постараясь, — ответил Майлз, косясь на жену. — Я спрошу, какие планы у Сэм.

Она не выразила ни согласия, ни протеста. Когда Майлз повесил трубку, напряжение странным образом разрядилось.

— Не сразу поверили, — сказал он, как будто Саманта не присутствовала при разговоре.

Они молча ели тосты, запивая их свежей порцией кофе. Жевательные движения умерили раздражение Саманты. Она вспомнила, как с рассветом судорожно подскочила на кровати в темной спальне и до смешного быстро успокоилась, когда с благодарностью нащупала рядом с собой Майлза, такого большого, с брюшком, пахнущего камфорным маслом и застарелым потом. Вслед за тем она представила, как будет рассказывать покупательницам у себя в бутике, что прямо у нее на глазах человек упал замертво и что они с мужем помчались на «скорой» в больницу. Она до мелочей продумала, как опишет все этапы поездки, вплоть до самой драматичной сцены, когда появилась докторша.

Все дело портила молодость этой невозмутимой особы. Могли бы доверить такое важное сообщение кому-нибудь посolidнее. Впрочем, настроение опять было на подъеме: Саманта вспомнила, что на завтра у нее назначена встреча с торговым представителем фирмы «Шанпетр»; по телефону они мило пофлиртовали.

— Ладно, пора двигаться, — сказал Майлз, допив кофе и поглядев на светлеющее за окном небо.

С глубоким вздохом он отнес тарелку и кружку в посудомоечную машину, не забыв на ходу похлопать жену по плечу:

— Поневоле задумаешься, верно?

Покачивая коротко стриженной, седеющей головой, он вышел из кухни.

Саманте он порой казался нелепым, а в последнее время еще и нудным. Впрочем, ей было приятно, что он изредка позволяет себе многозначительный слог, примерно так же, как она сама по особым случаям позволяла себе надеть шляпку. А что, в такое утро вполне уместна была многозначительность и некоторая торжественность. Доедая тост и убирая со стола, она мысленно отрепетировала готовый рассказ для своей продавщицы.

II

— Барри Фейрбразер умер, — выдохнула Рут Прайс.

Она почти бежала по стильной садовой дорожке, чтобы застать мужа, пока тот не ушел на работу. Даже не остановившись в прихожей, чтобы снять пальто и перчатки, она ворвалась в кухню, где завтракали Саймон и двое их сыновей-подростков.

Ее муж оцепенел, поднеся ко рту ломтик тоста, который тут же опустил на тарелку театрально-медлительным жестом. Мальчики смотрели то на мать, то на отца, но без особого интереса.

— Говорят, аневризма, — сказала Рут, переводя дыхание; палец за пальцем она стянула перчатки, потом размотала шарф, расстегнула пальто. Худенькая, темноволосая, с тяжелыми веками над скорбными глазами, она неплохо выглядела в голубой сестринской форме. — Упал прямо в гольф-клубе... его сопровождали Саманта и Майлз Моллисоны... а потом приехали Колин и Тесса Уолл...

Рут бросилась обратно в прихожую, повесила верхнюю одежду и вернулась, чтобы ответить на вопрос, который Саймон прокричал ей вслед:

— Что такое «таневризма»?

— А-нев-риз-ма. Поражение артерии головного мозга.

Она порхнула к чайнику, щелкнула кнопкой и принялась сметать крошки, скопившиеся вокруг тостера, а сама говорила:

— Похоже, у него было обширное кровоизлияние в мозг. Бедная, бедная его жена... она совершенно убита...

На мгновение застыв, Рут посмотрела в кухонное окно, на хрусткую белизну инея, на аббатство за долиной, темневшее скелетом на фоне бледного розовато-серого неба, на панорамный вид, который составлял гордость Хиллтоп-Хауса. Пэгфорд, который ночью был не более чем скоплением мерцающих в темной низине огоньков, сейчас открывался холодному рассвету. Но Рут этого не замечала: мыслями она все еще находилась в больнице и смотрела, как из палаты, куда поместили Барри, выходит Мэри, поняв, что бесполезные системы жизнеобеспечения отключены. Искреннее сочувствие Рут распространялось в первую очередь на тех, кто, с ее точки зрения, был похож на нее. «Нет, нет, нет, нет», — твердила Мэри, и это инстинктивное неверие эхом отзывалось в душе Рут, увидевшей себя на ее месте.

Гоня прочь эти мысли, она обернулась и посмотрела на Саймона. Его светло-каштановые волосы совсем не поредели, фигура оставалась жилистой, как в двадцать с небольшим, а морщинки у глаз только добавляли ему привлекательности, но Рут, после долгого перерыва вернувшись к своей профессии, вновь осознала, сколь уязвимо, тысячу раз уязвимо человеческое тело. В молодости она была куда менее чувствительной, а нынче радовалась уже тому, что все они живы.

— Неужели ничего нельзя было сделать? — спросил ее Саймон. — Подключили бы какой-нибудь аппарат.

Он возмущался, как будто медицина в который раз показала свою никчемность, не совершив самого простого и очевидного.

Эндрю внутренне злорадствовал. Он заметил, что в последнее время отец, слышав из уст матери медицинские терми-

ны, непременно высказывает дурацкие, невежественные соображения. Кровоизлияние в мозг. «Подключили бы какой-нибудь аппарат». А мать и бровью не повела. Как всегда. Эндрю жевал хлопья «Витабикс» и закипал ненавистью.

— Когда его привезли, было слишком поздно, — сказала Рут, доставая чайные пакетики. — Он скончался по дороге в больницу.

— Черт побери, — бросил Саймон. — Сколько ж ему было, лет сорок?

Но Рут уже переключилась на другое:

— Пол, у тебя на затылке колтун. Ты когда-нибудь причesyваешься?

Она достала из сумки щетку для волос и сунула ее сыну.

— А какие-нибудь признаки были? — допытывался Саймон.

Пол водил щеткой по густым, спутанным волосам.

— Кажется, пару дней его донимали сильные головные боли.

— Угу. — Саймон жевал тост. — А ему — хоть бы что?

— Ну, он не придавал этому значения.

Саймон проглотил.

— Значит, судьба такая, — с видом знатока изрек он. — А вообще надо было за собой следить.

«Как мудро. — Эндрю едва сдерживал презрение. — Какая глубокая мысль. Выходит, человек сам виноват, что у него в мозгу лопнула артерия. Самодовольный старпер», — молча бросил он в лицо папаше.

Саймон ткнул ножом в сторону старшего сына и объявил:

— Да, между прочим: *этот* у нас пойдет работать. Пицца-Тупица.

Рут испуганно переводила взгляд с мужа на сына. У Эндрю на багровых щеках проступили свежие угри; он уставился в миску с бежевым месивом.

— Да-да, — подтвердил Саймон. — Ленивому засранцу придется зарабатывать самому. Если хочет курить, пусть платит из своих. От меня больше ни гроша не получит.

— Эндрю! — простонала Рут. — Неужели ты...

— Не сомневайся. Я сам его застукал в сарае, — с неприкрытой злобой переплюнул через губу Саймон.

— Эндрю!

— Больше никаких денег. Хочешь травиться — покупай на свои! — бушевал Саймон.

— Но мы же говорили, — застонала Рут, — мы же говорили, у него экзамены на носу...

— Притом что тренировочные экзамены он просрал, нам еще повезет, если он сдаст хоть один. Ну, путь в «Макдональдс» всегда открыт — пусть опыта набирается. — Саймон поднялся из-за стола и, с грохотом отшвырнув стул, с удовлетворением посмотрел на опущенный прыщавый лоб сына. — Переэкзаменовки тебе оплачивать никто не будет, приятель. Сейчас или никогда.

— О, Саймон, — взмолилась Рут.

— Что?!

Саймон сделал два грозных шага в сторону жены. Рут отступила к раковине. Пол выронил розовую щетку.

— Я не стану потакать этому гаденьшу! Какая наглость, черт побери, — дымить у меня в сарае! — Со словами «у меня» Саймон ударил себя в грудь; от этого глухого стука Рут содрогнулась. — Да я в возрасте этого прыщавого засранца уже приносил в семью зарплату. Если на табак потянуло, пусть заработает, понятно? Понятно?!

Он склонился к лицу Рут.

— Да, Саймон, — еле слышно выговорила она.

У Эндрю плавилось нутро. Дней десять назад он дал себе зарок — неужели момент настал? Но отец отстал от матери и зашагал из кухни в прихожую. Рут, Эндрю и Пол не двигались; можно было подумать, в его отсутствие они решили играть в молчанку.

— Машину заправила? — прокричал Саймон, как делал всякий раз, когда она возвращалась после ночной смены.

— Заправила, — прокричала в ответ Рут, стараясь, чтобы голос ее звучал оживленно, как ни в чем не бывало.

Входная дверь с грохотом захлопнулась.

Рут засуетилась с заварочным чайником, ожидая, что буря уляжется. Заговорила она лишь в тот момент, когда Эндрю встал, чтобы почистить зубы.

— Он беспокоится о тебе, Эндрю. О твоём здоровье.

«Как же, беспокоится он, гад».

Мысленно Эндрю всегда отвечал отцу оскорблением на оскорбление.

Мысленно он мог одолеть Саймона в честной драке.

Вслух он лишь ответил матери:

— Да. Конечно.

III

Эвертри-Кресент представлял собой полумесяц одноэтажных коттеджей постройки тридцатых годов прошлого века, в двух минутах от главной площади Пэгфорда. В доме номер тридцать шесть, который дольше других оставался в собственности одной и той же семьи, сидела в постели, обложившись подушками, Ширли Моллисон и потягивала принесенный мужем чай. Отражение, смотревшее на нее из зеркальной дверцы стенового шкафа, было слегка размытым — отчасти потому, что она еще не надела очки, а отчасти потому, что окно затемняли шторы с рисунком из роз. При таком выгодном освещении ее бело-розовое лицо с ямочками, в обрамлении коротких серебристых волос выглядело ангельским.

Спальня была достаточно просторной, чтобы вместить две кровати: односпальную — для Ширли, двуспальную — для Говарда; сдвинутые вплотную, они смотрелись разнаяйцевыми

близнецами. Матрас Говарда, еще хранивший вмятину от его внушительного туловища, пустовал. Тихое журчанье и шипенье душа доносились туда, где любовались друг дружкой Ширли и ее отражение, смакуя новость, от которой атмосфера дома пузырилась, как шампанское.

Барри Фейрбразер умер. Испустил дух. Окочурился. Ни одно событие национального масштаба — будь то война, обвал финансового рынка или террористический акт — не могло бы вызвать у Ширли такого трепета, жгучего интереса, лихорадочного потока мыслей, какие одолевали ее сейчас.

Барри Фейрбразера она ненавидела. Здесь Ширли с мужем слегка расходились во мнениях, при том что их симпатии и антипатии, как правило, совпадали. Говард признавал, что этот бородатый коротышка, который яростно насакивал на него за исцарапанным столом пэгфордского приходского зала собраний, и в самом деле персонаж забавный, но Ширли не делала различий между политическими и личными отношениями. Барри Фейрбразер противостоял Говарду в его главном устремлении, а потому был ее злейшим врагом.

Преданность собственному мужу — вот что в первую очередь питало острую неприязнь Ширли к покойнику. Ее интуиция в плане отношения к людям безошибочно работала только в одном направлении. Как собака, натасканная на поиск наркотиков, она неусыпно вынюхивала снисходительный тон и давным-давно обнаружила его у Барри Фейрбразера и его дружков по местному совету. Барри Фейрбразер и иже с ним задирали нос, считая, что университетский диплом ставит их выше таких людей, как они с Говардом, и придает их мнению больший вес. Что ж, сегодня по их надменности был нанесен сокрушительный удар. Внезапная смерть Фейрбразера укрепила Ширли в давнем убеждении, что он и его подпевалы, при всей их кичливости, в подметки не годятся ее мужу, который вдобавок ко всем другим своим достоинствам семь лет назад стойко перенес инфаркт.

Даже когда ее Говард лежал на операционном столе, у Ширли и в мыслях не было, что он может умереть. Присутствие Говарда в этом мире было для нее данностью, как солнечный свет и кислород. Она так и говорила, когда соседи и знакомые заводили речь о том, какие бывают чудесные исцеления, как удачно, что кардиологический центр Ярвила расположен поблизости, и как она, вероятно, сходила с ума от беспокойства. «Я твердо знала, что он выздоровеет, — отвечала Ширли, спокойная и безмятежная. — Ни минуты не сомневалась». И вот пожалуйста: он живет-поживает, а Фейрбразер лежит в морге. Значит, судьба такая.

В приподнятом настроении Ширли вспомнила день, последовавший за рождением ее сына Майлза. Тогда она сидела в кровати, точь-в-точь как сейчас, нежилаясь в лучах проникающего в палату солнечного света, прихлебывала кем-то заваренный для нее чай и ждала, когда принесут кормить ее чудесного новорожденного малыша. Рождение и смерть: они навевали одни и те же мысли о высоком и о ее собственной особой миссии. Известие о внезапной кончине Барри Фейрбразера лежало у нее на коленях, как пухлое новорожденное дитя, на радость всем ее знакомым, а она сама превратилась в источник, родник, потому что стала первой — ну, или почти первой — из тех, кто услышал эту весть.

Пока Говард не вышел из спальни, восторг, что бурлил и пенился внутри у Ширли, ничем себя не обнаруживал. Она обменялась с мужем парой фраз, которые полагается произносить в случае чьей-либо скоропостижной смерти, а потом он пошел в душ. Естественно, эти шаблонные слова и предложения, скользившие туда-сюда, словно костяшки на счетах, не могли обмануть Ширли: она понимала, что Говарда переполняет точно такая же эйфория, но выражать подобные чувства в открытую, пока весть о смерти еще носилась в воздухе, было бы равносильно тому, чтобы плясать голышом и выкрикивать похабщину, а Говард и Ширли всегда носили

покрыв благопристойности, который не сбрасывали ни под каким видом.

И еще одна счастливая мысль пришла ей на ум. Опустив чашку с блюдцем на прикроватный столик, Ширли выскользнула из постели, накинула махровый халат, нацепила очки, прошлепала босиком по коридору и постучала в дверь ванной комнаты.

— Говард?

Ей ответило вопросительное фырканье на фоне ровного постукивания струй.

— Как ты считаешь, не выложить ли это на сайте? На счет Фейрбразера?

— Неплохо придумано, — выговорил он из-за двери после краткого размышления. — Просто отлично.

Она поспешила в кабинет. Раньше это была самая маленькая спальня в их одноэтажном доме: ее занимала их дочь Патриция, которая давно переехала в Лондон и крайне редко упоминалась в разговорах. Ширли очень гордилась тем, что стала продвинутым пользователем интернета. Десять лет назад она пошла на вечерние курсы и оказалась там одной из самых старших слушательниц, причем единственной неуспевающей. Тем не менее она старалась изо всех сил, твердо решив стать администратором интереснейшего нового сайта Пэгфордского местного совета. Она ввела свой логин и зашла на домашнюю страницу. Краткое сообщение полилось так свободно, как будто пальцы сочиняли его сами.

СОВЕТНИК БАРРИ ФЕЙРБРАЗЕР

С глубоким прискорбием извещаем о смерти советника Барри Фейрбразера. В этот трудный час мы все мысленно с его близкими.

Она внимательно проверила текст, выбрала «отправить» и убедилась, что сообщение ушло.

Закрыв форум местного совета, она зашла на свой любимый медицинский сайт и ввела в строку поиска слова «мозг» и «смерть».